

Елена САФРОНОВА

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДЕТЕКТИВ*О книге Аси Володиной «Протагонист»****Тяжелый «легкий жанр»**

Многие авторы считают, что описывать психологические (в том числе и психопатологические) переживания человека возвышеннее, чем вести крепкую сюжетную интригу. Просто потому, что крепкий сюжет — признак условно-развлекательного жанра, а развлекательные книги — это фи!.. Многие авторы умеют (или думают, что умеют) описывать различную «психоделику» лучше, чем строить крепкий действенный сюжет с увлекательной интригой. Думаю, это закономерность самого бытового толка. Изливать душу значительно проще, чем придумывать фабулу. О своих «болячках» каждый из нас горазд потолковать и в беседе с друзьями, и в соцсети. Тогда как забыть о своих болях, абстрагироваться от обстоятельств собственной жизни, чтобы написать совершенно чуждую оным обстоятельствам интересную историю — это качественно иной уровень профессионализма.

Я не раз отмечала, что считаю высшим пилотажем историко-приключенческий роман Роберта Штильмарка «Наследник из Калькутты». Штильмарк начал писать его в сталинском исправительно-трудовом лагере в обмен на освобождение от общих работ. Впрочем, это пример из серии экстремальных, каких много по определению быть не может. Но и относительно других книг развлекательного характера, рожденных не в такой трагической обстановке, с уверенностью можно сказать: легкий жанр дается немногим авторам. Может, именно поэтому те, кому он не дается, считают едва ли не своим долгом всячески приносить «масслит» и находят аргументы, почему тот — не вполне литература. Такое отношение к жанровой литературе сложилось в массовую рецепционную установку. Не говоря о том, что массе литераторов просто нравится писать про переживания.

И вот, когда сходятся воедино сразу несколько установок (что «развлекалово» — это пошло, а душевная травма — более благородно и гуманно; что лучше возвышать читателя до своего уровня, чем опускаться до его и т. д. и т. п.), рождаются такие книги, как «Протагонист» молодого автора Аси Володиной. Роман живо напомнил мне «Кто не спрятался» Яны Вагнер. Обе эти книги могли бы стать детективами, но «не захотели». Точнее, этого не пожелали их авторы.

Аналогично рассуждает критик Татьяна Веретенова в своей рецензии на «Протагониста», вышедшей на портале «Литература»: «Но перед нами совсем

* Ася Володина. *Протагонист*. — М.: АСТ, РЕШ, 2022. — 320 с.

не детектив; следователь хотя и мелькнет пару раз где-то на третьих ролях, но причин самоубийства студента философского факультета престижной Академии... Никиты Буянова так и не озвучит. “Загадочная смерть”... к последним страницам не станет менее загадочной, и “Протагониста” следует считать, скорее, романом психологическим и так называемым университетским». Веретенова отмечает еще один возможный литературный прототип «Протагониста» — пьесу Дмитрия Данилова 2018 года «Свидетельские показания». Рецензент добросовестно фиксирует сходства и различия этих двух произведений. Похожих черт две: «техника» самоубийства главного героя посредством выхода в окно и текстуальные аналогии. Пьеса Данилова тоже «представляет собой последовательность монологов знавших погибшего людей (безымянных, обозначена лишь их гендерная принадлежность — М/Ж)». Отличие же существенно и проходит, как ни странно, по линии «жанровости». Хотя Данилова никто детективщиком не считает, «...герои этой пьесы в ответ на вопросы невидимого следователя стараются говорить именно о погибшем, не перескакивая на свои личные истории, но при этом дистанцируются от него насколько возможно, а в финале звучит рефреном: “Я ничего не могу о нем сказать”». По мнению коллеги, в «Протагонисте» читатель сам «оказывается... в роли если не судьи, то присяжного заседателя». Он волен сделать собственные предположения о криминалистической стороне драмы Никиты Буянова, которой, как справедливо подмечено, в романе исчезающее мало.

Веретенова как раз подчеркивает достоинства книги Володиной. Например, хвалит слог романа, его «психологическую и языковую достоверность», выделяя «вскрытие калечащих моделей поведения», в том числе с детьми, и даже называет автора перфекционисткой за изящное построение повествования. Реакция Веретеновой означает, что у «Протагониста» уже нашлись «свои» читатели, принимающие уход из русла остросюжетного повествования в бескрайность «психологии». Все это по отдельности подмечаю и я, однако оцениваю иначе.

Имитация трагедии

В моем прочтении, роман о том, как студент престижнейшей Академии совершил суицид, оставив предсмертную записку, впрямую обвиняющую преподавательницу немецкого Ирину Олевскую, мог бы стать неплохим детективом. Однако вместо того он стал подражанием греческой трагедии, где Хор ведет повествование, а актеры меняют маски.

Важное для понимания сути книги уточнение прячется в начале, в монологе декана философского факультета Василия Евгеньевича Аникеева. Автор рисует его человеком настолько не от мира сего, что пожилой ученый даже в мысленном разговоре с самим собой то и дело привычно переходит на латынь и цитирует античных мудрецов, — хотя именно этот монолог представляет Аникеева приспособленцем и карьеристом. Именно Аникеев рассказывает непосвященным, что в древнегреческом представлении было не более трех актеров. Они меняли маски, играя не собою, а этими самыми масками. Нетрудно понять, что фактически древнегреческие артисты ничего не чувствовали и не переживали на сцене! Потому когда каждая из масок-рассказчиков («Бледная, с взъерошенными волосами», «Безбородый», «Бледный», «Менее бледный», «Девочка», «Кожаная», «Молодая женщина» и сразу две «Остриженные девы») приступает

к изложению своего видения рокового поступка Никиты Буянова и не удерживается в рамках темы, а переходит на себя, любимую, и начинает излагать все свои страдания и комплексы, то... Гибнет сюжетная линия романа — раз. Маски ничего на деле не переживают — два. Согласно декларируемому принципу построения древнегреческой трагедии, эмоции передаются личинами, которые меняют артисты. А уж то, что оный принцип имеет значение для книги «Протагонист», несомненно. Тут все проникнуто греческим духом. Даже части повествования названы словами греческого происхождения: агон (состязание, а также бог — его символ и покровитель), коммос (общий скорбный плач актеров и хора), эпилог. Текст являет собою целую копилку исповедей, постоянно уводящих весьма далеко от кончины студента. Ведь каждую маску волнует не разбившийся Никита, а она сама. При этом выкладываемый автором набор детских травм, сложностей с родительским гнетом, непониманием близких, собственным несовершенством и его осознанием и прочей психопатологией выглядит не исповедями, а имитацией. Причем линия имитации выстроена чрезвычайно логично. Должно быть, еще и потому, что все надевают трагические маски, а не переживают даже собственные душевные травмы. Почти все деяния, совершенные актерами-рассказчиками, в коммосе, подытоживающем книгу, кажутся психологически неубедительными, не объясненными и необъяснимыми. Даже самый, казалось бы, благородный жест сестры Никиты Ники (он как гром среди ясно-го неба грянет в конце романа, в ходе общения Ники с Ириной Олевской, которую сделали «стрелочником»). Не хочу гуманный поступок Ники описывать, а то неинтересно будет читать тем, кто еще только подбирается к этой книге. Но без одного обращения к тексту не обойтись. По мне, суть и соль романа выражена устами злополучной Олевской, пострадавшей от выходки студента не меньше, чем его кровные родственники. В итоге ее «попросили» из Академии и она полностью деморализована в финальном разговоре с сестрой погибшего Вероникой.

«Нет никаких нормальных семей. И людей нормальных нет. Каждый человек искалечен сам по себе. Семья может как подлечить, так и докалечить. Берегите себя, Вероника», — «завещает» девушке бывшая преподавательница. Думаю, что это позиция не столько литературного персонажа, сколько самого автора. Опасаюсь, что лишь ради этих слов вся книга и писалась.

Какая боль!..

Для чего автору такой художественный прием, как дотошное изложение масками своих душевных травм, которые сами по себе не более чем маски? По прочтении «Протагониста» мне представился один ответ на этот вопрос, навеянный строками современной художественной прозы. Мне показалось, тут надо ставить вопрос не «зачем/для чего?», а «почему/отчего?». Оттого, что «большая литература» сегодня упорно производит себя от слова «боль» и приверженность оной активно муссирует. Об этой тенденции я уже сетовала в статье «Катамаран современной русской прозы» (см. журнал «Традиция & Авангард», № 5 за 2019 год) и в некоторых других. Но потом нашла и другой вариант ответа в формате «почему?», а не «зачем?». На него меня навело интервью Аси Володиной для ресурса «Прочтение».

Напомню — Ася Володина родилась в 1991 году в Крыму, окончила МГУ им. Ломоносова, в настоящее время живет в Москве, преподает в университете

и имеет степень кандидата филологических наук. Литературная известность к автору пришла в 2020 году. Тогда рукопись ее романа «Часть картины» вышла в финал премии «Лицей» и попала в длинный список премии интеллектуальной литературы им. А. Зиновьева. «Протагонист» был написан раньше, но издан во вторую очередь. Впрочем, как отмечали рецензенты, обе книги увидели свет почти синхронно. По мнению критика Елены Васильевой, оба романа Володиной можно рассматривать как диологию. Писательница в интервью Полине Бояркиной с этим согласилась: «Без “Части картины” не было бы “Протагониста”, но и такой “Части картины”, какой она получилась после всех редактур, тоже бы не случилось без моего опыта работы со вторым текстом». Для меня не так важны отсылки к книге «Часть картины», которую я не читала, как другие признания Володиной в этом интервью. Так, она говорит, что в центре обеих книг поставила проблемы с образовательными институциями. Это мир, в котором она «варилась» так долго, что сейчас испытывает дискомфорт и пытается оттуда уйти. В этом контексте очень показателен следующий фрагмент интервью:

«— О чем бы ты никогда не стала писать?»

— Запретных тем для меня, пожалуй, нет, но есть сложные формы, с которыми я не умею работать. Например, я не представляю, как работают полнокровные фэнтезийные миры со своими законами. Или мне довольно сложно представить, как писать исторические романы — в силу того, что я не умею писать не с условной природы».

Как по мне, так автор написала книгу «с условной природы», вплетя в нее не только характерные травмы нынешнего российского социума, но и собственные душевные метания. Возможно, «Протагонист» отражает не следование мейнстриму современной российской прозы, а всего лишь желание писательницы «выговориться». В конце концов, каждый автор имеет на это право. Потому у нас сейчас в тренде автофикшн — смесь автобиографии и художественной прозы, в которой реальные события и факты переплетаются с авторским вымыслом...

В чем я действительно согласна с Веретеневой, так это в том, что стиль для книги выбран удачно. Несмотря на тяжелое содержание, она читается легко и быстро. Предполагаю, что книга легко читается не только потому, что Володина умеет писать о травмах, но и потому, что мы уже сто раз про это читали и привыкли. Сегодня в каждой второй книге встречаются детское горе, незалеченные обиды, безразличие других людей, невозможность компенсации, бремя вины... Из-за этого читательской эмпатии не хватает относиться ко всему этому хотя бы восприимчиво.

Из всех рассказов масок эмоциональный, художественный и сюжетный смысл, способный действительно тронуть, имеет только самый большой — история маски «Кожаная», матери Никиты. Во-первых, ее судьба реально, а не выдуманно драматична. Во-вторых, эта глава проливает свет на формирование личности Никиты и хотя бы косвенно приоткрывает причины его трагического финального шага. Событийная насыщенность этой главы и есть литературность в ее хорошем смысле. Остальные главки статичны, а финальный ход — чистое конструирование. Но если можно конструировать драму, почему нельзя конструировать книгу с увлекательным детективным сюжетом?..

В текущей российской прозе избыток всевозможных травм и несоразмерно мало жанровых произведений достойного уровня. Еще одна травма ситуацию

не изменит, а один хороший психологический детектив мог бы. Он прекрасно складывался в истории «Протагониста», чуть перестрой автор оптику. Ведь она отчетливо проводит линию, что каждый отчасти виновен в гибели Никиты. В детективной фабуле просматривалось несколько вариантов. Например, юношу кто-то конкретный (а не фатум) подтолкнул к гибели или же за самоубийство выдали насильственное преступление. Найти и указать на виновника мог бы мелькавший в начале повествования в Академии следователь. Впрочем, это мог бы сделать и Хор!.. В разговорах коммоса так и напрашивался некий «луч света», состоящий вовсе не в том, что «каждый человек искалечен сам по себе» (эка невидаль!). При таком раскладе все человеческие драмы и писательские укоры в адрес системы высшего образования и науки могли бы остаться на своих местах и нести еще больший смысл. Этого не произошло. Искренне жаль конкретной книги и грустно от выстроившейся в нашей «боллитре» тенденции.

